

ВЕСТНИК РГГУ

№ 4/08

Ежемесячный научный журнал

Серия «Исторические науки»

Москва 2008

УДК 930.2(07)
ББК 63

Главный редактор
Е.И. Пивовар

Заместитель главного редактора
Д.П. Бак

Ответственный секретарь
Б.Г. Власов

Главный художник
В.В. Сурков

Редколлегия серии «Исторические науки»

Пивовар Е.И. – ответственный редактор серии
Румянцева М.Ф. – заместитель ответственного
редактора серии

Безбородов А.Б. – ответственный редактор выпуска
Добровольский Д.А.
Казаков Р.Б.

Медушевская О.М.

Муравьев В.А.
Пчелов Е.В.
Хоруженко О.И.

Публикации

- Старые проблемы – новые идеи.
Запись беседы с Анной Георгиевной Капровой,
председателем Московской городской организации
работников интеллектуального труда
Всероссийского общества слепых. Беседу вела *Е.В. Андрейко* 338

Проблемы преподавания

- М.Ф. Румянцева*
Проблема преподавания гуманитарного знания
в системе двухуровневого образования: материал для обсуждения 345
- Р.Б. Казаков*
Введение в источниковедческое исследование: опыт построения .. 350

Дискуссии

- Н.З. Такижбаева*
Теоретико-понятийная база историко-демографического
исследования социальной структуры сельского населения 368

Критика и библиография

- Kolbas, Judith Grace. The Mongols in Iran:
Chingiz Khan to Uljaytu, 1220-1309 / Judith Kolbas. – London;
New York : Routledge, 2006. – XIII, 414 p.: ill., maps. (*Д.М. Тимохин*) 379

Хроника

- Е.В. Пчелов, С.В. Зверев*
Научный семинар по геральдике и вспомогательным историческим
дисциплинам Историко-архивного института РГГУ 386
- Р.Б. Казаков*
Конференция «Единство гуманитарного знания:
новый синтез» в Историко-архивном институте РГГУ 401

In Memoriam

- Ольга Михайловна Медушевская 405
- Summary 411



Р.Б. Казаков*

ВВЕДЕНИЕ В ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКОМ
ИССЛЕДОВАНИИ:
опыт построения

Представление результатов проведенного исследования в виде научной работы – логичное завершение исследовательского процесса и опыт презентации полученного нового научного знания в научном сообществе. Под источниковедческим исследованием в данном случае понимается завершенная письменная работа, главным образом, квалификационная. В ней фиксируются результаты уже состоявшегося исследования, завершено эксперимента и в письменном виде предлагаются научному сообществу для оценки. Особенность таких работ, в частности, заключается в том, что залогом адекватной оценки представленной работы со стороны научного сообщества является строгое и точное соблюдение правил построения письменного текста, презентации полученных результатов в форме, которая установлена самим научным сообществом. В этом случае исследователю приходится вести диалог с представителями научного сообщества на том языке, который понятен научному сообществу.

Научное сообщество в данной ситуации демонстрирует весь спектр действующих интеллектуальных практик для признания или непризнания полученного знания в качестве научного. Это может выражаться в том, что научная работа принимается / не принимается к публикации, автор приглашается / не приглашается выступить с докладом, подготовленная диссертация защищается / не защищается на заседании Ученого совета и т. д. Разумеется, новая познавательная ситуация (в науке вообще, не только в гуманитаристике), которая характеризуется переосмыслением цели науки как одной из сфер человеческой

* Казаков Роман Борисович – старший преподаватель кафедры источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин Российского государственного гуманитарного университета.

© Казаков Р.Б., 2008

деятельности, роли науки в социуме, возможностей и способов взаимодействия с другими сферами деятельности человека, значительно расширяет набор способов презентации полученного научного знания. Интернет-конференция или публикация предварительного (даже чернового) текста статьи в сетевой версии научного журнала с предоставлением права ее обсуждения любым читателям, а не только узкому кругу специалистов, – вот только некоторые возможности, которые имеются в настоящий момент у исследователя, располагающего текстом своей только что написанной научной работы. И тем не менее публикация в традиционной печатной форме результатов научного исследования остается той универсалией, которая и в настоящий момент ярко демонстрирует единство наук в системе гуманитарного знания и единство научного знания вообще. Отмечу, что публикация результатов исследования в электронной форме – что становится повседневной практикой научной деятельности – также должна соответствовать выработанным нормам.

Особую актуальность проблеме норм представления результатов научного исследования придаст и введение недавней практики обязательной публикации перед защитой диссертаций статей в научных журналах весьма ограниченного перечня, установленного Высшей аттестационной комиссией. На практике такая мера привела к резкому падению научного уровня публикаций, где уже бессмысленно говорить о каких-либо нормах, и засорению научной периодики и повременных изданий научных учреждений, обществ и вузов квазинаучными и вовсе не научными сочинениями, став профанацией науки.

Столетия функционирования научного сообщества определили и правила презентации нового научного знания. Часть таких правил зафиксирована законодательно или в нормативных документах, некоторые правила закреплены традицией и фиксируются в устной форме. Иногда традиция становится основой для выработки нормативных документов, примером чего могут служить научные квалификационные работы (дипломные исследования и диссертации). Разумеется, и нормы поведения научного сообщества, и правила, им устанавливаемые, историчны и меняются со временем, что само по себе может быть объектом интереса науковедения. Легко заметить, однако, что в данном случае речь не может идти о возможности отвергнуть те или иные правила, которые покажутся исследователю устаревшими. Ведь вполне может стать так, что научное сообщество в случае невыполнения заданных им правил откажется

Р.Б. Казаков

воспринимать представленную работу как продукт (результат) научного исследования. В этом смысле исследователь, выполняющий квалификационную работу и представляющий ее научному сообществу (а роль последнего в том, чтобы вынести свое мнение о том или ином уровне квалификации исследователя и подтвердить это соответствующим документом), находится в гораздо более жестких условиях, нежели автор научной статьи или монографии, – в них автор более свободен в следовании своей собственной логике и ему не приходится ожидать немедленной реакции научного сообщества на свой труд. Иной по характеру будет и реакция его коллег по цеху: например, автор монографии ожидает рецензии на свой труд, а вовсе не соответствующего диплома, подтверждающего его квалификацию.

В качестве одного из многих правил, выполнение которого обеспечивает самоидентификацию в пространстве науки, осмысление собственного исследовательского метода и его экпликацию, выступает прижитая практика построения научной квалификационной работы.

К категории квалификационных работ следует отнести письменные работы, выполняемые студентами во время обучения в вузе, выпускные письменные работы в вузе (дипломные работы, работы бакалавров и магистерские диссертации), диссертационные работы на соискание ученой степени кандидата и доктора наук. В последние годы с появлением гимназий, лицеев, классов с углубленной подготовкой школьников по различным отраслям знаний все чаще приходится слышать и о подготовке письменных докладов и курсовых работ в школе. Оставим без обсуждения характер таких письменных работ и вообще возможность подготовки научных работ на уровне среднего образования, а также целесообразность их исходя из образовательных задач, которые решает средняя школа. Бессмысленно, на мой взгляд, ожидать какого-либо научного уровня и от работ школьников, присланных на всевозможные конкурсы регионального и всероссийского масштабов, – опять же в силу невозможности требовать от средней школы воспитания умений добывать научное знание.

Необходимо сказать, что требования к письменным работам в вузе в российской высшей школе традиционно излагаются в многочисленных методических документах – рекомендациях, пособиях, указаниях, которые издаются каждым учебным заведением, а иногда и институтами и факультетами внутри одного и того же вуза. Публикуются учебные и справочные пособия

такого рода.¹ Выходят книги, обобщающие многолетний опыт преподавателей.² Иногда такие требования формулируются в учебных пособиях, характеризующих общенаучные методы познания и их применение в конкретной отрасли знания, с заглавием «Основы научных исследований...» и ему подобными.³ Переведены на русский язык и некоторые учебные пособия, написанные профессорами университетов Европы и США.⁴ Как представляется, за этими опытами осмысления различных способов представления полученного нового научного знания стоят глубокие процессы, свойственные современной ситуации в науке вообще и в гуманитарных науках в частности. По сути, оживившееся внимание к собственному исследовательскому инструментарию говорит об остроте осознания необходимости ученым осмысливать место своей науки и свое собственное в контексте научного знания в целом и в контексте современной социальной практики.

Собственное видение проблемы предлагает и кафедра источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин Историко-архивного института РГГУ, реализующая свои педагогические установки в рамках разработанной ею источниковедческой парадигмы методологии истории.⁵

Яркой чертой современной гуманитаристики является ситуация полиметодологизма, что ставит исследователя – автора квалификационной работы перед необходимостью самоидентификации в пространстве науки, осмысления и экспликации собственных методологических установок. Приходится учитывать и сложности структурирования современного научного социума, находящегося в стадии осознания новой ситуации в науке и перемен в ее статусе, ревизии привычных способов коммуникации.

Научное исследование, результаты которого представляются научному сообществу для верификации и последующего включения в корпус научного знания, является одним из основных способов установления отношений и связей внутри научного сообщества, причем этот способ коммуникации складывался и эволюционировал вместе с формированием и эволюцией самой науки как порождения эпохи европейского Нового времени. Взаимоотношения среди ученых, например между Галилеем и Кеплером⁶, издательство Эльзевиров, опубликовавшее с конца XVI и до начала XVIII в. около 5 тыс. книг и диссертаций для распространения в Европе, система обмена изданиями, принятая в европейских академиях и в императорской Петербургской

Р.Б. Казаков

академии, а также между учеными, например рекомендации европейских светил науки Петру I тех или иных кандидатов для приглашения на работу в императорскую Петербургскую академию, – вот некоторые очень немногие и взятые наугад примеры формирования способов и каналов коммуникации в научном сообществе.

Среди коммуникационных принципов и норм современной науки специалисты выделили рациональный характер аргументации и эмпирический характер обоснования, ориентацию на достижение консенсуса и готовность изменять свою позицию в силу предъявляемых аргументов и оснований, принцип информационной открытости и прозрачности.⁷

Рациональный характер аргументации проявляется в том, что необходимо выстроить на рациональной основе систему правил поведения при осуществлении научного эксперимента, для того чтобы потом можно было оценить полученные результаты и затем это же могли сделать иные представители научного сообщества, а не только сам автор эксперимента. Принцип информационной открытости и прозрачности реализуется, в частности, при осмыслении и экспликации собственного исследовательского метода как необходимого элемента в структуре источниковедческого исследования. В источниковедческом исследовании, как правило, эти положения излагаются во Введении к работе (семинарскому докладу, курсовой работе, дипломной работе, диссертационному исследованию и т. д.). В той или иной степени эти черты свойственны и публикуемым статьям и монографиям, комплексу учебных изданий.

Для рассматриваемого подхода принципиальным является понимание Введения как обязательной части источниковедческого исследования, эксплицирующей исследовательский метод автора и тем самым устанавливающей связи автора и других представителей научного сообщества внутри этого сообщества и определяющей место исследовательских усилий ученого в контексте социогуманитарного знания.

Введение позволяет автору продемонстрировать должный профессиональный уровень, а если речь идет о Введении к курсовым, дипломным работам и диссертациям, то продемонстрировать еще и необходимый уровень квалификации автора, а также соответствие уровню квалификационных требований, который установлен в данном научном сообществе. В этом смысле Введение никоим образом не может расцениваться как некая формальность, которую, как это ни досадно для творческой

личности, по необходимости приходится исполнять, но делать это действие осмысленным и отрефлексированным и тяжело, и вовсе не обязательно. В условиях моноидеологического существования гуманитарных наук, законсервировавшего в случае нашей страны – в марксистской идеологии позитивистские методологические установки, Введение действительно было формальной частью при фиксации результатов проведенного исследования. К сожалению, и сейчас часто оно воспринимается именно так – как формальность. Такой подход по определению воспроизводит исследовательские практики ушедшей эпохи, не отвечающие требованиям современной науки.

Новая познавательная ситуация заставляет исследователя самостоятельно и неформально осмысливать собственный метод и свое собственное место в системе научного знания. Источниковедческая парадигма методологии истории, в рамках которой источниковедение развивается как наука о методе исследования, где ключевым моментом является представление об историческом источнике как продукте целенаправленной человеческой деятельности, явлении культуры⁸ (в отличие от позитивистских представлений об историческом источнике, где исторический источник – это «всякий памятник прошлого, свидетельствующий об истории человеческого общества»⁹, «памятники или остатки человеческой деятельности, которые в той или иной степени отражают различные стороны исторического процесса и тем самым позволяют историку проникнуть в суть исторических явлений, выявить тенденцию их развития, понять расстановку классовых сил на различных этапах исторического процесса, его логику»¹⁰, «все то, что связано с историей природы и человеческого общества»¹¹, «все, отражающее развитие человеческого общества и являющееся основой для его научного познания»¹², «все, что создано в процессе деятельности людей, несет информацию о многообразии общественной жизни и служит основой для научного познания»¹³, «артефакты, содержащие непреднамеренную или преднамеренную, скрытую или явную информацию об исторической реальности»¹⁴ – перечисление подобных определений можно продолжить), предполагает осмысление собственного исследовательского метода и умение структурно четко и ясно его изложить, предпослав изложению собственно результатов уже осуществленного источниковедческого проекта. Экспликация метода, в частности во Введении, задаст возможность и параметры верификации научным сообществом полученного нового научного знания (примем без обсуждения

Р.Б. Казаков

представление о науке как о специфической сфере деятельности человека, направленной на получение нового научного знания, и понимание ее главных отличительных черт в том виде, в каком это сформулировано в науковедении¹⁵).

Возможно ли именно в ситуации множественности методологических подходов при сознательной установке автора или неотрефлексированном смещении элементов разных концепций предложить систему универсальных приемов построения научной работы, фиксирующей полученные результаты исследования? Иными словами и на более высоком уровне осмысления проблемы, обладает ли гуманитарий универсальным языком, использование которого позволяет воспринимать и верифицировать новое гуманитарное знание в его единстве, или гуманитарий вынужден оставаться в границах, сформированных наукой еще во второй половине XIX в., а значит — утратить возможность целостного восприятия научного знания? Ведь одно из следствий позитивистских представлений об историческом источнике исследования в качестве аргументов данных других наук, принятых на веру, без всяких надежд на их верификацию.

Перечислю разделы Введения в источниковедческом исследовании, соблюдая принятую логику изложения. При этом необходимо отдавать себе отчет в том, что предлагаемая структура Введения является примерной, неким базовым вариантом, изменения которого в каждой работе диктуются методом исследователя и особенностями процесса изучения источников.

Структура Введения может быть представлена в следующей совокупности и последовательности разделов, определяемых принятой исследователем объясняющей системой.

Введение открывается *начальным разделом*, своеобразным «введением во введение», в котором формулируется проблема исследования. Думается, что это наименее регулируемый и регламентируемый раздел Введения, цель которого — зафиксировать начальное авторское представление об исследуемой проблеме. Раздел раскрывает формулировку проблемы, данную в названии работы. Это особенно важно для квалификационных работ, где существует прямая связь между формулировкой темы работы и исследовательской проблемой. В идеале в самой теме уже в кратком виде формулируется исследовательская проблема, которую далее автор раскрывает и комментирует в начальном разделе Введения. К примеру, невозможными представляются такие формулировки тем квалификационных работ: «Оприщина

Иваха Грозного», «Бородишское сражение», «Гражданская война в России» и им подобные: они не содержат исследовательской проблемы. Но монографическое исследование с подобным заглавием давно и по праву стало классическим.¹⁶ Обращу внимание на важность точных и емких формулировок заглавия, сразу же задающих настрой всей работе.¹⁷

Раздел, в котором эксплицируется *актуальность исследуемой проблемы*. Несложно увидеть и логику изложения, при которой формулировка проблемы как отправной точки исследования требует приведения аргументов в пользу важности этой работы, необходимости ее выполнения.

Раздел, в котором анализируется *историография проблемы*, логически связан с предыдущим. Самоидентификация исследователя в пространстве современного социогуманитарного знания требует соотнесения собственной работы с опытом, уже накопленным научным сообществом.

Осмысление исследовательской проблемы в системе координат, где точкой отсчета будет сам автор работы, а координаты устанавливаются в пространстве действующего научного сообщества с функционирующим в его рамках актуальным научным знанием (коэзистенциальная составляющая) и по отношению к прошлому исследовательскому опыту (эволюционная составляющая), позволяет сформулировать *цель и задачи* исследования. Образно говоря, исследователь действует в «четырёхмерном» пространстве науки, где в системе с тремя «пространственными» измерениями действует и четвертое — время.

Краткая характеристика *корпуса источников*, где обращается внимание на особенности процессов поиска и отбора источников исследования, формирования источниковой базы исследования, ее репрезентативности, возможность адекватно решить заявленную проблему на основе изучения избранной совокупности источников.

Задаются *объект и предмет* исследования.

Характер исследуемой проблемы может обусловить необходимость аргументации *хронологических рамок* работы.

При сознательной установке на экспликацию сущности исследовательского метода в источниковедческом исследовании во Введении нет необходимости давать специальный раздел с перечислением общенаучных методов, которые, по мнению автора, стали основанием его исследования. Такое перечисление практически всегда формально и не несет сущностной информации о методе автора.

Р.Б. Казаков

Однако изложение методологических оснований проведенной работы необходимо сделать во Введении. Несмотря на то что вся работа в целом и особенно ее Введение эксплицируют исследовательский метод, автору следует в концентрированном виде осмыслить свой собственный метод в рамках принятой им парадигмы и изложить это осмысление. И здесь вряд ли достаточным будет простое перечисление общенаучных методов по списку, предлагаемому статьей в любой универсальной энциклопедии или энциклопедическом словаре.

Как правило, Введение завершается *характеристикой структуры работы*. Здесь необходимо показать, как, в какой логике и последовательности автор предлагает читателям изложение результатов проведенного исследования. И это момент отнюдь не формальный. Автор демонстрирует здесь профессиональные навыки аргументации в пользу задаваемой им структуры работы. Кроме того, здесь возможна характеристика особенностей работы, авторской логики изложения в данной конкретной исследовательской ситуации.

Любопытно, что в состав характеристик метода обязательно входит и анализ способов изложения полученного знания, о чем свидетельствуют работы 70-90-х гг. XX в., представляющие разные национальные научные традиции, но практически одновременно ставшие доступными читателю на русском языке.¹⁸ Например, заостряя исследуемые в своем курсе лекций проблемы, А. Про отмечал, что историки, пишущие об истории, «обречены определять свое место как по отношению к своим собственным предшественникам и современникам, так и по отношению к соседним научным корпорациям... Более того, они должны учитывать общество в целом и те его сегменты, к которым обращаются и для которых создаваемая ими история имеет смысл или не имеет смысла».¹⁹

Можно ли обнаружить в опубликованных трудах, введенных в состав научного знания на разных этапах эволюции науки, элементы данной структуры Введения? Или предложенная схема останется неким схоластическим упражнением, не имеющим отношения к повседневным практикам исследовательской работы?

Структура начальных разделов исторических трудов в российской исторической традиции сложилась к рубежу XVIII-XIX вв. И если отдельные элементы Введения (в современном понимании) мы обнаружим в «Историях» В.Н. Татищева, М.В. Ломоносова, М.М. Щербатова, определявших лицо исто-

рической науки в России XVIII в., то в «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина уже присутствуют практически все разделы вступительной части, соответствующие элементам структуры Введения настоящего времени.²⁰ Думаю, что выстраивание структуры исторического исследования, в общих чертах существующей и сейчас, на рубеже XVIII-XIX вв. и в первой четверти XIX в. не случайно, а обусловлено и самим ходом развития исторической науки в России, и растущим уровнем ее профессионализации. Это приводило к необходимости рефлексии в отношении собственного метода, соотношения с уже накопленным научным знанием и способами его трансляции. В конце XVIII в. были созданы первые учебные пособия по истории, вновь и вновь переиздавался как учебное пособие «Синописис», появились и первые опыты осмысления истории самой исторической науки в России.

Историческая наука постепенно приобретала еще одно важнейшее качество, отличающее именно научное знание, – история стала преподаваться в университетах, что потребовало выстраивания логики презентации имеющегося научного знания. В российской практике принципиально важно и то, что история и нравственная философия преподавались наследникам престола (М.П. Муравьев учил великих князей Александра и Константина Павловичей, В.А. Жуковский преподавал великому князю Александру Николаевичу на основе конспектов, составленных по «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина).²¹

Таким образом, можно сказать, что предложенная структура Введения концентрирует в себе опыт формирования метода источниковедения от начала исторической науки Нового времени.

В дальнейшем я уделяю основное внимание двум наиболее пространственным частям Введения – экспликации актуальности проблемы и анализу историографии проблемы.

Возможно ли предложить варианты построения раздела, в котором характеризуется актуальность исследования, во Введении так, чтобы описанная модель была аргументированна, открыта и прозрачна?

Полагаю, что практика источниковедения как интегрирующей отрасли социогуманитарного знания, ставящей перед собой весьма амбициозные цели и достигающей их в различных исторических обстоятельствах развития науки, позволяет предложить такой аргументированный вариант структуры описания актуальности проблемы. Амбициозность цели, которую ставит

Р.Б. Казаков

перед собой источниковедение и реализует ее в данном случае в источниковедческой работе, определяется в настоящий момент самым характером развития социогуманитарного знания в его движении от дисциплинарного строения науки – через междисциплинарность – к полидисциплинарности – и синтезу.²²

Исходные методологические основания построения структуры Введения могут быть сформулированы следующим образом. Выстраиваемая модель отвечает цели и задачам источниковедческого исследования, реализуемого в рамках феноменологической структуралистской парадигмы методологии истории, ключевым моментом которой является оригинальное и обоснованное представление о феномене культуры – произведении человека, историческом источнике как результате целенаправленной деятельности человека (О.М. Медушевская). Результат этой деятельности становится объектом исследования для получения точного и верифицируемого научного знания о человеке – творце этого произведения и культуре, частью которой является данное произведение. Основания парадигмы и формы ее реализации в рамках научно-педагогической школы источниковедения Историко-архивного института РГГУ изложены в ряде работ.²³

Для построения модели необходимо обратиться к определению исторического источника. Уже неоднократно (М.Ф. Румянцева) фиксировалось внимание на том, что определение отвечает на два базовых вопроса: об объекте данной науки и особенностях познания этого объекта. Так, определение постулирует, что объектом источниковедения является произведение человека, результат его целенаправленной деятельности, который изучается в рамках предложенной источниковедением исследовательской логики.

Исходя из данного понимания природы исторического источника, возможно презентировать и собственные представления об актуальности исследуемой проблемы. Здесь актуальность проблемы трактуется аксиологически и определяется через соответствие с иными смыслообразующими основаниями данной отрасли социогуманитарного знания.

Анализ актуальности проблемы как часть Введения выстраивается через соответствие с корпусом объектов исследования, изучаемых данной наукой, в нашем случае – корпусом исторических источников. Онтологически необходимо определить место объекта – исторического источника или совокупности исторических источников, которые исследуются, – в структуре корпуса исторических источников данной эпохи, культуры,

цивилизации, социума и пр. Наиболее продуктивно это делается через определение групп исторических источников, которые репрезентируют структуры самой действительности, группы исторических источников, которые выделяются по принципу целенаправленного человека, их создавшего, т. е. через определение места изучаемых исторических источников в видовой структуре их общей совокупности. При данном подходе исследовательски значимо не только отнесение произведений человека к тому или иному типу и виду исторических источников (а глубже – и к разновидности вида или даже разновидности внутри более дробных подразделений обширных видовых совокупностей) с реализацией познавательных возможностей классификации исторических источников, но и межвидовые связи и взаимодействия, которые характерны и специфичны для каждой группы исторических источников. Так, хорошо известно, что комплекс писцовых материалов XV-XVII вв. в корпусе источников по истории России тесно связан с законодательными и актовыми комплексами источников. Хрестоматийно и то, что комплекс законодательных материалов о крестьянской реформе 1861 г. изучается во взаимосвязи с актами, зафиксировавшими обстоятельства проведения реформы, и комплексами делопроизводственных документов.

Исследователь в данном случае формулирует аспекты важности своего исследования через определение координат «своих» документов внутри данного вида (или видов) исторических источников, через определение «места» исследуемых исторических источников в окружении других – аналогичных или отличающихся по условиям своего возникновения, а затем в системах более высокого уровня структурирования, например уже на уровне осмысления взаимосвязей видовых совокупностей источников. Необходимо заметить и то, что определение «координат» в пределах совокупностей исторических источников, созданных в рамках данной культуры, дает потенциальную возможность для проведения компаративных источниковедческих исследований исторических источников и их классификационных групп, порожденных в рамках других культур.²⁴ Предположу, что определение «места» «своих» источников внутри данного вида или разновидности может стимулировать и размышления о классификации исторических источников на большей внутривидовой глубине, нежели только на уровне «вид-разновидность».

Второй аспект формулирования актуальности исследования касается гносеологической составляющей понятия исторического источника. Актуальность в этом случае задается через соотношение собственной исследовательской проблемы с проблемным полем, формируемым данной отраслью знания, или новыми проблемными полями науки, ставшими фактом ее развития при переходе от постмодерна к «постпостмодерну».²⁵ Исследовательская проблема в этом смысле актуальна и потому, что она может дать необходимый материал при решении аналогичных проблем (того же уровня сложности), поможет в решении более частных вопросов, позволит определить связи с исследовательскими проблемами более высокого уровня обобщения. Так, например, изучение хозяйственных книг Иосифо-Волоколамского монастыря, давно и успешно введенных в научный оборот²⁶, позволяет рассчитывать на получение методического опыта, который может быть применен при изучении аналогичных документов, сохранившихся в собраниях других монастырей, а это позволит выйти на более высокий уровень обобщения информации уже в системах вида или разновидности исторических источников. Но эти же книги дадут ценную информацию собственно о повседневной жизни Иосифо-Волоколамского монастыря, его обитателей и населения его вотчин.

Актуальность по самому значению слова предполагает осмысление важности заявленной исследовательской проблемы в коэкзистенциальном целом науки, в рамках научного социума, действующего в современный для исследователя момент. Необходимой и взаимосвязанной составляющей Введения в источниковедческое исследование в этом случае становится анализ историографии проблемы, т. е. обращение к эволюционному целому науки применительно к данной проблеме – установление связей, соотношение себя и своих исследовательских интересов с существующим (или, наоборот, отсутствующим) в научном сообществе интересом к данной проблематике и накопленным в науке опытом решения проблем. Так, сформулированные положения актуальности работы связывают в целостное изложение формулировку исследовательской проблемы и рассмотрение истории ее изучения.

Очевидно, что научные исследования, которые предполагается проанализировать в историографической части Введения, сами являются историческими источниками, их весьма специфической группой, имеющей одинаковое целенаправление, сходство формы, сходные условия появления, бытования, сходство

структуры и содержания. Анализ такого научного произведения будет означать изучение совокупности условий, которые позволили осуществиться данному исследованию и данной научной работе. Таким способом характеризуется место, которое занимает автор в научном сообществе своего времени, так выявляются те социальные связи, которые соединяют автора с его современниками, его предшественниками и последователями (например, учителями и учениками в науке). Так выявляются важные историографические характеристики принадлежности автора к тому или иному научному направлению, школе (при всей неопределенности этих понятий).

Анализ обстоятельств появления той или иной научной работы требует и выяснения особенностей ее функционирования в научном сообществе: реакция, обсуждение, полемика, рецензирование, цитирование и пр. Только в редких случаях удастся получить эти сведения прямо из рук автора. Например, автор подробно охарактеризовал дополнения и исправления, сделанные во втором издании своей монографии под воздействием полемики, высказанных критических отзывов на первое издание, как это сделал Б.А. Романов.²⁷ Но и в этом случае по обстоятельствам времени из рассказа автора невозможно было узнать о драматических обстоятельствах создания книги и драме жизни Б.А. Романова.²⁸

Разумеется, стандартные источниковедческие процедуры осуществляются здесь в специфических условиях. Например, выяснение конкретных обстоятельств создания источника, в данном случае — научной работы, потребует выяснения публикаций, предшествующих ей (так, например, часто монографии предшествует ряд статей в научной периодике, публикации тезисов докладов на конференциях; существует и практика публикации препринтов). Кроме того, за публикацией монографии может последовать одна или ряд работ, посвященных подробному анализу историографии научной проблемы, исследованной в монографии. Так, например, цикл исследований по аграрной истории российского средневековья, начатых еще в кандидатской диссертации и продолженных в докторской диссертации, привел Н.А. Горскую к созданию обобщающих историографических работ по данной проблеме.²⁹

Современная ситуация в гуманитарных науках явно обнаруживает себя в изменениях жанровых характеристик научных работ. Вполне обычна ситуация, когда монография представляет собой тематическую подборку опубликованных в разное время

Р.Б. Казаков

и в разных изданиях статей. Возможно ли охарактеризовать такое издание как монографию? Практически утратили свое первоначальное назначение опубликованные тезисы устного доклада, превратившись в статью очень небольшого объема. 90-е годы XX в. и начало XXI в. дают множество примеров почти одновременной неоднократной публикации ранее вышедших работ в составе новых сборников или собраний трудов исследователей. Даже такой широкий набор исследовательских ситуаций показывает, сколь специфичным может стать изучение проблемы происхождения научной публикации.

Видовую принадлежность исторического источника определяет цель его создания. Выяснение цели создания научной работы – обязательный момент в анализе историографии проблемы. Как правило, автор в той или иной форме обозначает свои цели и задачи во Введении – остается только вычленив эти рассуждения и проанализировать их.

Отдельные наблюдения о каждой работе позволяют сформулировать синтетические характеристики состояния историографии изучаемой проблемы, увидеть параметры целостности этого феномена. Здесь возможны заключения на основе различной систематизации корпуса историографических источников: выявляется историографическое влияние работ того или иного специалиста, конкретизируются научные направления со свойственной именно им проблематикой.

Итогом станет вывод о состоянии изученности заявленной проблемы.

Таким образом, исследователь подходит к следующему разделу Введения – формулировке цели и задач собственного исследования

Примечания

¹ Научные работы: Методика подготовки и оформления / Авт.-сост. И.Н. Кузнецов. 2-е изд., перераб. и доп. Минск, 2000. 544 с.; Грекова О.К., Кузьмина Е.А. Обсуждаем, пишем диссертацию и автореферат: Учеб. пособие. М., 2003. 294 с. и мп. др.; Кузнецов И.Н. Научное исследование: Методика проведения и оформление. М., 2004. 428 с.; Колесникова П.И. От конспекта к диссертации: Учеб. пособие. 3-е изд., испр. М., 2006. 288 с. и мп. др.

² Папр.: Харченко В.К. Как заниматься наукой. 2-е изд. Белгород, 2006. 222 с.

³ Основы научных исследований: Учеб. для техн. вузов / Под ред. В.И. Крутова, В.В. Попова. М., 1989. 399 с.; Ушаков В.М., Миньков С.Л., Озеркин Д.В. Основы научных исследований. Томск, 2002. 287 с.;

Введение в источниковедческое исследование: опыт построения

- Кузнецова Л.А. Основы научных исследований: Учеб.-практ. пособие. Челябинск, 2004. 132 с.; Яшина Л.А. Основы научных исследований: Учеб. пособие. Сыктывкар, 2004. 84 с.; Ипкова Л.В. Основы научных исследований: общая методология и частные методы: Учеб. пособие. Кемерово; М., 2005. 251 с.; Шкляр М.Ф. Основы научных исследований: Учеб. пособие. М., 2007. 243 с. и мн. др.
- ⁴ Бут У.К., Коломб Е.Дж., Уильямс Д.М. Исследование: Шестнадцать уроков для начинающих авт. М., 2004. 357 с.; Эко У. Как написать дипломную работу. Гуманитарные науки. СПб., 2006. 300 с. и мн. др.
- ⁵ Примерная программа дисциплины «Теория и методология истории» федерального компонента цикла ДС ГОС ВПО второго поколения по специальности 020800 «Историко-архивоведение» / Авт.: О.М. Медушевская, М.Ф. Румянцева // Историко-архивоведение. Специальность 020800: Гос. образоват. стандарт высш. профес. образования и примерные программы дисциплин федерального компонента (циклы общепрофес. дисциплин и дисциплин специальности) / Редкол.: Минаев В.В. (отв. ред.) и др.; Мин-во образования РФ, Рос. гос. гуманитар. ун-т, Учеб.-метод. объединение РФ по образованию в обл. ист.-архивоведения. М.: РГГУ, 2003. С. 259-286; Примерная программа дисциплины «Источниковедение» федерального компонента цикла ОПД ГОС ВПО второго поколения по специальности 020800 «Историко-архивоведение» / Авт.: И.П. Данилевский, В.В. Кабанов, Р.Б. Казаков, О.М. Медушевская, Л.А. Молчанов, В.А. Муравьев, М.Ф. Румянцева, А.Е. Чекунова; Ред. В.А. Муравьев // Там же. С. 313-390; Примерная программа дисциплины «Историческая эвристика» федерального компонента цикла ДС ГОС ВПО второго поколения по специальности 020800 «Историко-архивоведение» / Авт.: А.О. Астапович, В.И. Гультчинский, Р.Б. Казаков, Л.Н. Простоволосова // Там же. С. 615-636; Примерная программа дисциплины «Вспомогательные исторические дисциплины» федерального компонента цикла ДС ГОС ВПО второго поколения по специальности 020800 «Историко-архивоведение» / Авт.: Е.И. Камешцева, О.М. Медушевская, В.А. Муравьев, Е.В. Пчелов, А.Е. Чекунова, Ю. Э. Шустова // Там же. С. 637-700.
- ⁶ См.: Сокулдер З.А. Знание и власть: Наука в обществе модерна. СПб., 2001. 239 с.
- ⁷ Куренной В.А. Наука в современном мире // Отечественные записки. М., 2003. № 1.
- ⁸ Медушевская О.М. Теория, история и метод источниковедения // Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории: Учеб. пособие / И.Н. Данилевский, В.В. Кабанов, О.М. Медушевская, М.Ф. Румянцева. М., 2004. С. 26.
- ⁹ Тихомиров М.П. Источниковедение истории СССР с древнейших времен до конца XVIII в. М., 1940. С. 6; 2-е изд. М., 1962. С. 6.
- ¹⁰ Источниковедение истории СССР XIX – начала XX в.: Учеб. пособие / Отв. ред. И.А. Федосов. М., 1970. С. 3.

Р.Б. Казаков

- ¹¹ Источниковедение истории СССР: Учебник / Под ред. И.Д. Ковальченко. М., 1973. С. 3.
- ¹² Источниковедение истории СССР: Учебник / Под ред. И.Д. Ковальченко. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1981. С. 6.
- ¹³ Голиков А.Г., Круглова Т.А. Источниковедение отечественной истории. М., 2000. С. 5.
- ¹⁴ Дубский А.В. Альтернативные модели исторического исследования. М., 2005. С. 79.
- ¹⁵ Степин В.С. Главные отличительные признаки науки // Паука: возможности и границы / Отв. ред. Е.А. Мамчур. М., 2003. С. 7-20.
- ¹⁶ Зимин А.А. Опричнина Ивана Грозного. М., 1964. 535 с.
- ¹⁷ Шмидт С.О. Становление российского самодержавства: Исследование социально-полит. истории времени Ивана Грозного. М., 1973. 359 с.; Станиславский А.Л. Гражданская война в России XVII в.: Казачество на переломе истории. М., 1990. 272 с.
- ¹⁸ Про А. Двенадцать уроков по истории / Пер. с фр. Ю.В. Ткаченко. М.: РГГУ, 2000. 334 с.; Топф Д. Стремление к истине: Как овладеть мастерством историка / Пер. с англ.: Коробочкин М.Л. М., 2000. 295 с.; Эко У. Как написать дипломную работу.
- ¹⁹ Про А. Указ. соч. С. 12-13.
- ²⁰ Казаков Р.Б. Предисловие к «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина и структура исторического исследования // Источниковедение и историография в мире гуманитарного знания: Докл. и тез. XIV науч. конф. М.: РГГУ, 2002. С. 546-549.
- ²¹ Шмидт С.О. Василий Андреевич Жуковский – великий русский педагог. М., 2000. С. 21, 32 и др.
- ²² Румянцева М.Ф. Целостность современного гуманитарного знания: необходимость и возможность // Единство гуманитарного знания: новый синтез: Материалы XIX междунар. науч. конф. М.: РГГУ, 2007. С. 42.
- ²³ Научно-педагогическая школа источниковедения Историко-архивного института: Сб. / Сост.: Р.Б. Казаков, М.Ф. Румянцева; Отв. ред. В.А. Муравьев. М., 2001. 227 с.; Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории / И.П. Данилевский, В.В. Кабанов, О.М. Медушевская, М.Ф. Румянцева. М., 2004. 701 с.; Источниковедение. Проблемные лекции: учеб.-метод. модуль / Сост.: Р.Б. Казаков, О.М. Медушевская, М.Ф. Румянцева; Отв. ред. О.М. Медушевская. М., 2004. 526 с.; Источниковедение: Учеб.-метод. модуль. Программы курсов и планы семинарских занятий / Сост.: Р.Б. Казаков, О.М. Медушевская, М.Ф. Румянцева; Отв. ред. О.М. Медушевская. М., 2004. 288 с.; Специальность 07.00.09 Историография, источниковедение и методы исторического исследования (факультет архивного дела ИАИ РГГУ) / Сост. и авт. предисл. М.Ф. Румянцева // Аспирантура РГГУ: Образовательные программы. Исторические науки / Рос. гос. гуманитар. ун-т. М., 2006. С. 155-265.

Введение в источниковедческое исследование: опыт построения

- ²⁴ Румянцева М.Ф. Теория истории: Учеб. пособие. М., 2002. 318 с.
- ²⁵ Междисциплинарные подходы к изучению прошлого: до и после «постмодерна»: Материалы науч. конф. / Отв. ред. Л.П. Репина. М., 2005. 151 с.; Репина Л.П. Опыт междисциплинарного взаимодействия и задачи интеллектуальной истории // Диалог со временем: Альманах интеллектуальной истории / Гл. ред. Л.П. Репина. М., 2005. С. 5-14.
- ²⁶ Книга ключей и долговая книга Иосифо-Волоколамского монастыря XVI века / Под ред. М.Н. Тихомирова и А.А. Зимица. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948. 172 с.: ил. и др.
- ²⁷ Романов Б.А. Очерки дипломатической истории русско-японской войны. 1895-1907. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1947. 496 с.; Он же. Очерки дипломатической истории русско-японской войны. 1895-1907. 2-е изд., испр. и доп. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1955. 695 с.
- ²⁸ См.: Панейх В.М. Творчество и судьба историка: Борис Александрович Романов. СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. 445 с.
- ²⁹ Горская Н.А. Монастырские крестьяне Центральной России в XVII в.: О сущности и формах феодально-крепостнических отношений. М.: Наука, 1977. 365 с.; Она же. Историческая демография России эпохи феодализма (Итоги и проблемы изучения). М.: Наука, 1994. 213 с.; Она же. Борис Дмитриевич Греков. М.: ИРИ, 1999. 271 с.; Она же. Русская феодальная деревня в историографии XX века. М.: Памятники исторической мысли, 2006. 356 с.

showing also the perspectives of anthropological investigation of the sphere.

Especially important is for us the “Personalia” part, which shows the role of the prominent scientists’ heritage in the development of source studies and auxiliary sciences of history. This issue’s materials are devoted to the 120th anniversary of Aleksandr Ignatievich Andreyev (O. Medushevskaya) and the 100th anniversary of Evgenii Alekseyevich Loutskiy. Both of them, being the chairs of the auxiliary sciences department, did much to develop of the source studies chair of the Moscow State Institute for History and Archives.

The part named “Education problems” contains two articles by M. Roumiantseva and R. Kazakov, discussing the problems of the suporeme school in the Russia nowadays.

Also important is the “Discussion” part, where we place the interesting, but somehow questionable article by N. Takizhbayeva, discussing the theoretical issues of historical demography.

Finally go the traditional “Critics and bibliography” and “Chronicle” parts.

Корректор *Л.П. Бурцева*
Компьютерная верстка *Е.И. Спиридонова*

Подписано в печать 02.04.2008.
Формат 60x90 ¹/16
Усл. печ. л. 25,75. Уч.-изд. л. 26
Тираж 1050 экз. Заказ № 89.

Издательский центр
Российского государственного
гуманитарного университета
125993, Москва, Мнусская пл., 6
www.rggu.ru
www.knigirggu.ru